

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ: В ПОИСКАХ СОБСТВЕННОГО ПРЕДМЕТА

Выдрин И.В.

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права
Уральского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Россия)

УДК 342
ББК 67.400

Статья посвящена анализу предмета отрасли конституционного права России, оценке общественных отношений, его образующих, их эволюции и развитию в современных общественно-политических условиях.

Ключевые слова: конституция, общественные отношения, конституционное право, предмет, правовое, демократическое и социальное государство.

Vidrin I.V.

CONSTITUTIONAL LAW IN RUSSIA: IN PURSUIT OF OWN SUBJECT

The article is devoted to the analysis of the constitutional law subject in Russia, evaluation of public relations which form it, their evolution and development in modern public-political conditions.

Key words: constitution, public relations, constitutional law, subject, legal, democratic and social state.

Ставшее аксиоматичным утверждение о том, что конституционное право представляет собой ведущую (главную) отрасль в системе российского права знакомо каждому юристу. Причем, еще по первому курсу обучения в вузе, когда ничего не знающие студенты-первогодки параллельно, дающей азы правоведения теории государства и права, принимаются за изучение права конституционного. Отчего такая спешка?

Причина ее в стремлении познакомить начинающих юристов с Конституцией – Основным законом страны, питающим всю ее правовую систему. И какой бы ни была Конституция современной России, а многие специалисты, общественные и политические деятели всерьез ее критикуют [1], она отнюдь не утрачивает своего значения основного закона, с присущими только ему формально-юридическими особенностями, вроде верховенства, прямого действия конституционных норм, высшей юридической силы и т.п. Любая конституция ведь все равно, что полноводная река, снабжающая живительной влагой все вокруг.

И сколь может быть ни громко или, как сейчас говорят, пафосно, звучали эти слова, на деле конституция всегда являет собой мощный источник национального права.

Такова ее природа, таков предмет ее регулирования: очень разнообразный и чрезвычайно неоднородный, вмещающий отношения власти и собственности, устройства государства и общества, положение личности и способы реализации ее прав. А есть еще множество других общественных отношений, требующих своего упорядочения, внутренней организации, того, что можно назвать конструированием отраслевого предмета.

Подходы в решении этого вопроса отличаются больше нюансами, в главном же они примерно одинаковы.

Так, в совсем новом учебнике «Конституционное право», подготовленном кафедрой конституционного и муниципального права Московской государственной юридической академии, предмет консти-

туционного регулирования сведен к четырем сферам общественных отношений.

Первая группа отношений определяет «основные принципы, на которых основано устройство государства и общества» (Конституция РФ, отмечают авторы, характеризует данные отношения понятием «основы конституционного строя»). Вторая группа охватывает отношения, связанные с основами правового статуса членов общества, главным образом, определяющими их взаимодействие с государством. Еще одна группа касается государственного устройства России, отношений, как подчеркивается в учебнике, складывающихся между федерацией и ее субъектами. Наконец, четвертая группа общественных отношений фокусирует в себе «основные принципы системы органов государственной власти и системы органов местного самоуправления» [2].

Близкую точку зрения высказывает С.А. Авакьян. По его мнению, предмет конституционного права образуют «наиболее фундаментальные общественные отношения, которыми характеризуются: основы конституционного (общественного) строя российского государства, сущность и формы власти народа; основы правового положения личности; государственное устройство России; система, порядок формирования, принципы организации и механизм деятельности органов государственной власти и местного самоуправления» [3].

Более емко формулирует объекты конституционного регулирования В.Е. Чиркин: «В своей совокупности нормы конституционного права распространяются на четыре главные сферы общественной жизни: экономику, социальные отношения, политику и идеологию» [4].

Оригинальные соображения высказывает А.Н. Кокотов, «нагрузивший» нормы конституционного права помимо регулирования уже известных общественных отношений, еще одной функцией — определения структуры российского права, его целей, принципов и отраслевых ценностей, что, в конечном счете, обеспечивает их согласованное, непротиворечивое действие. Такой вывод обусловлен авторской оценкой конституционного права в качестве общей части права российского: «Одна из задач конституционного права — постановка целей для национального права, закрепление исходных для всех отраслей права ценностей. Такие исходные цели и ценности в нашей стране изначально закрепляет Конституция» [5].

По нашему мнению, это действительно интересная точка зрения на содержание предмета конституционного права, но, кажется, она осталась незамеченной научной общественностью. Приходится гадать, почему? То ли от досады на то, что не пришла кому-то другому, то ли из-за сомнений в принадлежности

«правового» сегмента к общественным отношениям как таковым.

Анализируя приведенные суждения, следует обратить внимание вот на что.

Во-первых, на их общность, что свидетельствует о почти беспримерном тождестве взглядов на предмет конституционного права, сложившемся к настоящему времени. Справедливости ради, заметим, что это тождество не абсолютное, но все же близкое.

Но так было далеко не всегда. Общеизвестно, что в 1950-1970 гг. прошлого века дебаты вокруг этой темы отличались непросто остротой, а даже ожесточением. Посвятивший истории данного вопроса замечательную статью профессор В.И. Фадеев называет ученых, вовлеченных в спор, «непримиримыми участниками научной дискуссии» [6]. Еще более откровенно высказывается профессор С.А. Авакьян: «На каждой стороне были уважаемые и авторитетные ученые, которые не только спорили о научных проблемах, но и терпеть не могли друг друга» [7].

Что ж, для научного мира это не редкость, свои «непримиримые» есть, наверное, в каждой отрасли права. В советском государственном (конституционном) праве спорщики разделились на два лагеря. С одной стороны, «государственники» (С.С. Кравчук, А.И. Лепешкин, Б.В. Щетинин, В.С. Основин, А.И. Ким), с другой стороны, «конституционалисты» (В.Ф. Коток, И.Е. Фарбер, В.А. Ржевский и др.), дебатировавшие не только о составе предмета конституционного права, но и о наименовании данной отрасли. Первые оставались верными государственному праву, вторые были адептами права конституционного. И, кажется, никакие аргументы не могли их примирить.

Несмотря на то, что почти все спорщики ушли из жизни, их противостояние в заочной форме продолжается и в наше время. В прежние годы почти безраздельно доминировали учебники по советскому государственному праву на фоне, крайне редко появлявшихся книг по конституционному праву. Сегодня все ровно наоборот. Учебника по государственному праву России не встретить, а вот конституционное право безоговорочно господствует. Принятие Конституции РФ в 1993 г. мощно стимулировало развитие науки и отрасли именно конституционного права. Безусловно, в этом деле сказались увлеченность правами человека, идеей развития гражданского общества, ограничивающего всевластие государства. Словом, к середине 1990-х гг. конституционное право вытеснило собой право государственное. И, причем, без каких-либо публичных столкновений на этом поприще с сопутствующими им диспутами, спорами до хрипоты, испорченными личными отношениями и т.д. Государственное право сдалось без боя.

Другой вопрос, почему? Думается, потому что новые, неизвестные нам по прежним временам фактические общественные отношения, приковали к себе внимание исследователей в первую очередь. Теоретические проблемы, связанные с предметной классификацией отраслей, отодвинулись на второй план. А стремительное возникновение многих новых отраслей российского права, начавшееся в 1990-х гг., проходило не в пример давним спорам о государственном или хозяйственном праве без эмоциональных и, увы, теоретических всплесков.

Заметим, что сейчас, хотя и редко, но можно встретить отождествление конституционного и государственного права. К примеру, преподаватели кафедры конституционного и муниципального права МГЮА, подготовившие учебник «Конституционное право» (о котором уже говорилось выше), в 1996 г. выпустили учебник под названием «Государственное право Российской Федерации» [8]. И пусть отличающиеся наименования этих книг не смущают читателей – предмет конституционного (государственного) права в них представлен одним и теми же элементами. Или же вот названная здесь статья В.И. Фадеева (заведующего этой уважаемой кафедрой) с очень характерным заголовком «Предмет конституционного (государственного) права России: история и современность». Отчасти название это обусловлено контекстом статьи, посвященной теоретическим баталиям «государственников» и «конституционалистов». Но только отчасти. Использование двойного названия, как представляется, связано главным образом с уравниванием конституционного и государственного права без предпочтений в пользу того или другого. Этот вывод напрашивается также с учетом прежних кафедральных работ.

Свое решение данного вопроса предлагает А.Н. Кокотов. Он не ставит знак равенства между конституционным и государственным правом. Одновременно он не отказывается от государственного права, как это сделало большинство современных конституционалистов. Ему (государственному праву) отводится роль «комплексной составной части конституционного права, призванной упорядочить верховную государственную власть» [9]. С едва уловимым оттенком несогласия оценивает данный вывод В.И. Фадеев, замечая, что это предложение, по сути, разделяет ведущую отрасль российского права [10]. Хотя вряд ли. Да, и сам А.Н. Кокотов специально оговаривается, мол, государственное право только часть права конституционного, а не отдельная отрасль.

Во-вторых, на то, что все многообразие конституционно-правовых отношений уместается преимущественно в четыре основных блока. Даже у родственной конституционному праву (по принадлежности к публично-правовым образованиям) и одновре-

менно подчиненной ему (по степени иерархичности в системе права) отрасли муниципального права предмет регулирования выглядит куда более насыщенным. Различными авторами называется восемь [11] или даже десять [12] групп общественных отношений, образующих его предмет.

Можно, конечно, посетовать на излишнюю увлеченность исследователей дроблением предмета муниципального права, на «молодость» данной отрасли, ее комплексный характер. И все же. Конституционное право ведь в принципе несравненно богаче по объектам своего воздействия, в числе которых находится и местное самоуправление. К слову, во множестве защищаемых кандидатских и докторских диссертаций с завидным упорством доказывается, что Конституция РФ является источником необъятного количества общественных отношений. Под маркой «конституционных основ» или «конституционно-правовых аспектов» исследуется все: от полномочий органов местного самоуправления по уборке улиц до статуса парламента. Не тесно ли столь разнообразным отношениям в рамках четырехсоставного предмета конституционного права, как в четырех стенах недостаточно мебелированной комнаты?

В-третьих, на то, что предмет конституционной регламентации очерчивается понятиями «основные принципы» (как в учебнике МГЮА), «устои», а еще чаще – «основы» организации или устройства чего-то очень существенного. Нормы конституционного права «закрепляют социально-экономические, политико-управленческие, духовно-культурные устои российского общества» (А.Н. Кокотов) [13], «регулируют основы социально-экономической структуры общества, его политической системы, духовной жизни и правового статуса личности» (В.Е. Чиркин). Конституционные установки касаются «таких общественных отношений, которые являются базовыми, основополагающими в каждой из областей жизни общества и государства» (О.Е. Кутафин) [14].

Посредством использования таких категорий настойчиво подчеркивается, что конституционно-правовые отношения являются самыми важными и наиболее значимыми. Это общее, давно сложившееся мнение, которое вряд ли кто-то примется опровергать, во всяком случае, пока существует закон такой силы как конституция. Обремененные частностями, перегруженные мелочами основные законы, недолговечны. «Нет ничего удивительного в том, что эти конституции постоянно «ремонтируются» и заменяются, – замечает американский исследователь Л. Фридмэн, – они ужасно хрупки» [15].

Итак, тема детализированных конституций как будто закрыта. Их век короток и они не практичны. Живучи и работоспособны конституционные акты, фиксирующие принципиальные параметры государ-

ственного и общественного устройства, его костяк, способный выдержать испытание временем и обстоятельствами.

Но, что считать деталями, переполняющими конституции? Они ведь пишутся в конкретных исторических условиях, и то, что в наши дни кажется чем-то неуместным, в то время, возможно, представлялось очень важным, требующим обязательного конституционного закрепления. Советский историк А.З. Манфред, оценивая конституцию Франции 1799 г., замечал, что, имея сугубо практический характер, она приближалась порой к протокольной записи [16]. И уж совсем критически, как несвойственную духу основного закона, этот исследователь воспринял ее ст. 43. Она, между прочим, устанавливала жалование первого консула Республики в размере 500 тыс. франков в год (это должность занимал тогда генерал Бонапарт). С точки зрения конституционалиста наших дней, такие конституционные нормы кажутся почти что кощунственными. Они совершенно недопустимы, как дискредитирующие особое предназначение основного закона, его высокую миссию фундаментального правового акта.

Кстати, тот же Л. Фридмэн приводит аналогичный пример, имеющий, правда, отношение к конституции штата Луизиана 1898 г. Она тоже содержала статью, фиксирующую должностной оклад губернатора штата, к сведению, неплохой для тех лет. Наверное, это совсем уж одиозные примеры, к тому же из далекого прошлого. А что же современность? «Король получает из государственного бюджета, – сказано в ст. 65 Конституции Испании 1978 г., – общую сумму на содержание своей семьи и Двора и свободно распоряжается ею» [17]. Так что же это все-таки? Деталь, частности или же положение, достойное конституционного акта?

Многие нынешние конституции наполнены нормами, регулирующими порядок формирования органов государственной власти, парламентскую деятельность. «Тот, кто выставил свою кандидатуру в Бундестаг, – установлено в ст. 48 Конституции ФРГ, – имеет право на отпуск, необходимый для подготовки своего избрания». Ну, что за важность! В ст. 149 Конституции Швейцарии указывается, что депутаты Национального совета (нижняя палата парламента – И.В.) избираются народом путем прямого голосования по пропорциональной системе [18]. Российская Конституция не обременена такими подробностями. Возможно, именно поэтому уже в четвертый раз меняется порядок формирования Совета Федерации, вновь инициируется вопрос о возврате к смешанному порядку комплектования Государственной Думы. В итоге, не имея твердой конституционной почвы, механизм формирования российского парламента целиком зависит от политической конъюнктуры, ею же и диктуется

то ли в преддверии очередных выборов, то ли по их итогам.

Но вернемся к «конституционным основам»? Какой набор установлений будет отвечать представлениям о них, хотя бы в области государственного устройства? В настоящее время, когда в мире сложились определенные политико-правовые стандарты, появление многих конституционных положений вполне прогнозируемо. Не включить сегодня в конституционный текст положений о правовом или демократическом государстве, значит, прослыть все равно, что еретиком, считаться несовременной, отсталой в политико-правовом, а то и вообще, в цивилизационном смысле страной. В этой связи желающих идти вразрез с правовой глобализацией, с присущим ей перечнем эталонных установок, откровенно немного. Именно этим обстоятельством априори обусловлен целый набор обязательных (стандартизированных) конституционных норм, характеризующих государство XXI века. Данными нормами, в том числе задаются параметры и Российского государства.

К числу конституционных столпов относятся нормы о государственной суверенности. Они не дань юридической моде, а естественным образом укоренившиеся установления. И какой бы слабой по своему потенциалу и небольшой по размерам собственной территории ни была страна, она первым делом объявляет себя суверенной. Делается это в разных формулировках. Латвия и Литва называют себя независимыми демократическими республиками, Эстония – самостоятельной и независимой демократической республикой. Италия конституируется в качестве единой и неделимой республики, признающей местную автономию (ст. 5), Болгария учреждается единым государством, в котором, напротив, не допускаются автономные территориальные образования (ст. 2). Согласно конституции Словении – это территориально единое и неделимое государство, а Румыния так и вообще – национальное, суверенное и независимое, единое и неделимое государство [19]. Словом, суверенность принадлежит к тем конституционным основам, которые не нуждаются в популяризации извне и дополнительных рекомендациях со стороны мирового сообщества. В этом отношении Российская Федерация не исключение, а полноценный член этого сообщества.

В копилку основ, по всей видимости, следует внести и социальное государство. Но здесь не все так однозначно. Если характеристики демократического, правового и суверенного государства действительно считаются конституционными устоями, то к статусу социального государства некоторые конституции подходят с известной долей осторожности. Так, в параграфе 18 Конституции Венгрии сказано, что Венгерская Республика проявляет заботу о нуждающихся через развитую систему социальных мероприятий.

И только! Польская Республика признается демократическим правовым государством, осуществляющим принципы социальной справедливости (ст. 2 Конституции Польши) [20]. Звучит также обтекаемо, как и у венгров. Чем продиктована это осторожность? При всех возможных причинах престижному статусу социального государства надо просто соответствовать. А это далеко не у всех выходит.

Впрочем, есть страны, смело декларирующие себя социальными государствами: Франция, Германия, Испания, Словения, Хорватия и др. В их числе и Российская Федерация – «социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ст. 7 Конституции РФ). В настоящее время это одна из самых критикуемых статей нашего основного закона, собственно, даже не статья, а расхождение между декларируемой ею нормой и действительностью. «Несмотря на разногласия и различные подходы к пониманию сущности социального государства, практически все сходятся в одном, – констатируют авторы коллективной монографии «Права человека и правовое социальное государство в России», – наше государство пока еще не является социальным». Хотя, оставаясь объективными исследователями, они оговариваются относительно длительности исторических сроков становления и обретения социальности: «Формирование социального государства – долгий, трудный, а по сути дела, нескончаемый путь, на котором неизбежны и обретения и потери» [21]. Более категоричен Н.М. Марченко, называющий социальное государство (имея в виду Россию – И.В.) идеологемой, не подтвержденной жизнью и государственно-правовой практикой [22].

Российская Федерация считается социальным государством уже двадцать лет. Этого срока для воплощения мечты о государстве всеобщего благоденствия в реальность не хватило. На любые критические выпады по этому поводу существует заранее заготовленный ответ-клише: Конституция и провозглашенные ею положения о социальном (как впрочем, и о правовом, демократическом) государстве есть идеал, к которому надо стремиться, и который должен подстегивать всех тех, от кого зависит его достижение. Вряд ли это объяснение устраивает большинство российских граждан, страдающих от социальных неурядиц, зато оно выручает преподавателей конституционного права при ответах на «неудобные» вопросы особо вьедливых студентов. Чем парировать ленинские слова о фиктивности конституций, знает не всякий. «Для конституций нежелательны как отставание от общественного развития, – справедливо пишет профессор С.А. Авакьян, – так и забегание вперед, включение в них норм, которые еще не могут найти применения в действительности» [23]. От себя добавим, что несоот-

ветствие между нормами основного закона и реальностью дискредитирует и саму конституцию. Поэтому задирайте планку конституционных обещаний, гоняясь за примерами развитых стран, в особенности высокоразвитых, чревато неприятностями.

В фонд конституционных основ органично вписываются нормы о разделении государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную; механизмах сдержек и противовесов между ними; единстве системы государственных органов; разграничении предметов ведения и полномочий. Все это унифицированные положения, ставшие частью конституций в большинстве стран мира.

Таким образом, важнейшие конституционные институты и регулируемые ими общественные отношения, составляющие предмет конституционного права, заимствованы Российской Федерацией в качестве западных либеральных ценностей. Правовое, демократическое, социальное государство, разделение властей – все это в настоящее время эталонные, стандартизированные требования, распространившиеся по всему миру сначала в форме либеральной идеологии, а потом и в виде конституционных норм. И только государственный суверенитет, не окрашенный идеологией, имеет сугубо домашнее происхождение. В этом смысле Конституция РФ один из многих похожих друг на друга основных законов, в первую очередь устоями государственного, да и общественного строя тоже. Привнесенные на недостаточно подготовленную почву, эти нормы и, учрежденные ими общественные отношения, потому и буксуют, что плохо «вмонтированы» в российский политический и административный контекст.

Это и есть одна из особенностей общественных отношений, закрепляемых российским конституционным правом.

Литература:

1. Примеров такой критики много, сошлемся лишь на некоторые мнения. Так, М.Н. Марченко говорит о формальном и идеологизированном характере Конституции РФ 1993 г., манипулировании ею правами и свободами человека и гражданина. Е.А. Лукьянова полагает, что российская Конституция состоит из двух несовпадающих частей. Первая часть включает либеральные принципы, но без механизмов их исполнения. Вторая часть – абсолютно авторитарная, по разграничению властных полномочий похожая на полумонархическую конституцию. С.А. Авакьян с сожалением констатирует об ошибочности некоторых конституционных конструкций, в частности, об отсутствии в перечне полномочий Федерального Собрания РФ парламентского контроля. Ученым вторят политики. С.М. Миронов критикует действующую Конститу-

цию за то, что она не обеспечивает представительную власть достаточными полномочиями. С.Н. Бабуриным высказывается за внесение точечных изменений в текст Конституции, призванных усилить контрольные полномочия парламента и однозначно закрепить процедуру формирования Совета Федерации. См.: Марченко М.Н. Источники права: учебное пособие. М., 2013. С. 201-202; Лукьянова Е.А. Мастер тонких вещей // Олег Кутафин. Первый по праву. М., 2011. С. 350; Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000. С. 200; Зюганов, Миронов и Бабуриным предложили изменить Конституцию // http://rus.ruvr/2012_12_05.

2. Конституционное право: учебник для бакалавров / отв. ред В.И. Фадеев. М., 2013.

3. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. М., 2011. Т. 1.

4. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран: учебник. М., 2001.

5. Конституционное право России: учебник / Отв. ред. А.Н. Кокотов и М.И. Кукушкин. М., 2003.

6. Фадеев В.И. Предмет конституционного (государственного) права России: история и современность (статья первая) // Актуальные проблемы конституционного и муниципального права. Сб. статей, посвященных 75-летию со дня рождения академика О.Е. Кутафина / отв. ред В.И. Фадеев. М., 2012.

7. Авакьян С.А. Лидер нашего поколения // Олег Кутафин. Первый по праву. М., 2011.

8. Государственное право Российской Федерации / под ред. О.Е. Кутафина. М., 1996.

9. Шугрина Е.С. Муниципальное право: учебник. М., 2010.

10. Муниципальное право России: учебник / С.А. Авакьян, В.Л. Лютцер, Н.Л. Пешин и др. М., 2010.

11. Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001.

12. Фридман Л. Введение в американское право. М., 1993.

13. Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1987.

14. Конституции зарубежных государств: учебное пособие / Сост В.Н. Маклаков. М., 2001.

15. Конституции государств Центральной и Восточной Европы / отв. ред. Н.В. Варламова. М., 1997.

16. Права человека и правовое социальное государство в России / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2011.

17. Источники права: учебное пособие. М., 2013.

References:

1. There are numerous examples of such criticism. We'll cite some of the opinions. So, M.N. Marchenko speaks about formalized and ideology-driven character of the RF Constitution 1993, manipulation of its rights and liberties of a man and a citizen. E.A. Lukyanova believes

that the Russian Constitution consists of two incongruous parts. The first part includes liberal principles, but without mechanisms of their execution. The second part is absolutely authoritarian, similar to the half monarchical constitution as to its power authorities. S.A. Avakyan states incorrectness of some Constitutional constructions, in particular, absence of Parliamentary control in the list of the RF Federal Assembly authorities. Politicians echo scientists. S.M. Mironov criticizes the working Constitution that it doesn't provide the representative part with sufficient authorities. S.N. Baburin speaks for making punctual changes in the text of the Constitution to strengthen controlling authorities of the Parliament and entrench the procedure of the Federation Council formation univocally. Ref.: Marchenko M.N. Sources of law: study book. M., 2013. P. 201-202; Lukyanova E.A. Craftsman of delicate things // Oleg Kutafin. The first by right. M., 2011. P. 350; Avakyan S.A. Constitution of Russia: nature, evolution, modernity. M., 2000. P. 200; Zyuganov, Mironov and Baburin have proposed to change the Constitution // http://rus.ruvr/2012_12_05.

2. Constitutional law: study book for Bachelors / Editor-in-chief V.I. Fadeyev. M., 2013.

3. Avakyan S.A. Constitutional law of Russia. Training course: study book: in 2 volumes. M., 2011. V. 1.

4. Chirkin V.E. Constitutional law of foreign countries: study book. M., 2001.

5. Constitutional law of Russia: study book / Editors-in-chief A.N. Kokotov and M.I. Kukushkin. M., 2003.

6. Fadeyev V.I. The subject of constitutional (state) law of Russia: history and modernity (the first article) // Topical issues of constitutional and municipal law. Collec. Of articles devoted to 75th anniversary of Academician O.E. Kutafin / editor-in-chief V.I. Fadeyev. M., 2012.

7. Avakyan S.A. A leader of our generation // Oleg Kutafin. The first by right. M., 2011.

8. State law of the Russian Federation // edited by O.E. Kutafin. M., 1996.

9. Shugrina E.S. Municipal law: study book. M., 2010.

10. Municipal law of Russia: study book / S.A. Avakyan, V.L. Lutser, N.L. Peshin and others. M., 2010.

11. Kutafin O.E. Constitutional law subject. M., 2001.

12. Fridman L. Introduction to the American law. M., 1993.

13. Manfred A.Z. Napoleon Bonaparte. M., 1987.

14. Constitution of foreign countries: study book / Compiled by V.N. Maklakov. M.

15. Constitution of the Central and Eastern European states / Editor-in-chief N.V. Varlamova. M., 1997.

16. Human rights and legal social state in Russia / Editor-in-chief E.A. Lukasheva. M., 2011.

17. Sources of law: study book. M., 2013.